

После ночи Цицяо слухи о примадонне театра Хуалин, Чэн Сяшу, разлетелись по городку Циншуй, словно семена одуванчика, подхваченные весенним ветром. Они осели повсюду, пустили корни, дали побеги, расцвели новыми цветами, чтобы затем снова превратиться в семена и разнестись еще дальше. Не прошло и двух дней, как на каждом углу заговорили: голос Чэн Сяшу пропал, врачи бессильны, и больше мы никогда не услышим ее пения — какая невосполнимая утрата. А уж причин тому придумывали видимо-невидимо.

В то же самое время в поместье князя Цяо приключилось странное. Ли Куэр сама этого не видела, но от ночных сторожей слышала, будто после третьей стражи из глубины сада доносится женское пение. Звук был глухим, неясным, словно доносился из-под земли. В первую ночь сторож обмолвился, что снова слышит пение Ткачихи, но остальные лишь посмеялись: мол, пересмотрел парень легенд о Пастухе и Ткачихе, вот голова и пошла кругом от недосыпа. Однако на вторую ночь другой сторож столкнулся с тем же самым.

— Ох, среди ночи, не пойми откуда, какая-то девица завела Сяньхунь, — рассказывал он, еще не оправившись от страха. — Голос такой тоскливый, что я чуть в штаны не наложил.

Когда его спросили, чей это мог быть голос, он долго мялся, а потом неуверенно добавил:

— Сам не пойму. Звучало так, будто поют не прямо перед тобой, но и не издалека. Однако мелодия была взята безупречно, и в голосе... в голосе чувствовалось что-то от Чэн Сяшу.

Стоило ему обмолвиться о ней, как те, кто было поверил, тут же отмахнулись, решив, что он просто пытается раздуть сплетни, пользуясь слухами о певице. Но история все равно разошлась по поместью — пусть как байка, но в скучной повседневной жизни и такая новость была в радость.

Те, кто пересказывал это, сами не были уверены в правдивости услышанного, но передавали с такой уверенностью, что, пройдя через десяток уст и обросши новыми подробностями, история стала звучать донельзя правдоподобно.

Ли Куэр оказалась в числе тех, кто поверил. Она была уверена: сторожа слышали пение именно Чэн Сяшу. А причиной тому были слова Хэ Вэйжань: Возможно, какой-то демон украл ее талант к пению...

Тогда, услышав это, Ли Куэр удивилась, но приняла все за шутку. Теперь же, сопоставив это с рассказами сторожей, она поняла, что в этих полушутливых словах могла скрываться правда. Слишком уж все это было пугающе.

За обедом Ли Куэр нашла Хэ Вэйжань и расспросила о Чэн Сяшу.

— Сестрица Хэ, ты слышала? Сяо Чжао и Хэйцзы из переднего двора две ночи подряд слышали, как поет Чэн Сяшу. Но ведь театр Хуалин так далеко, как звук мог донестись сюда? Да и Чэн Сяшу ведь больше не может петь.

Хэ Вэйжань, помешивавшая кисло-острый яичный заварной крем, подняла голову и, вскинув брови, спросила:

— А что ты сама об этом думаешь, Куэр?

Ли Куэр нахмурилась. Она ведь пришла спросить совета, а в итоге сама должна отвечать? Повертев глазами, она пробормотала:

— Ты же сама в прошлый раз говорила... что это, возможно, какой-то демон украл голос.

— Ах... и правда говорила, — Хэ Вэйжань прикрыла рот рукой и загадочно улыбнулась. Другой рукой она продолжала медленно мешать крем. Спустя мгновение она добавила: — Так ты веришь?

— Конечно, верю.

Раз уж ее так спросили, Ли Куэр не могла не поддакнуть, тем более что после двух встреч с необъяснимым ей поневоле пришлось признать существование чего-то сверхъестественного.

— Раз так... — Хэ Вэйжань наполнила маленькую пиалу кремом и протянула Ли Куэр попробовать. — Сегодня ночью не уходи, оставайся спать у меня в комнате.

— Пф-ф! А... нет... слишком кисло... — Ли Куэр от неожиданности поперхнулась и принялась оправдываться первым, что пришло в голову.

— Слишком кисло? — Хэ Вэйжань с сомнением посмотрела на пиалу. — Неужели я впервые приготовила что-то несъедобное?

Весь день Ли Куэр провела в поле: полола, рыхлила, поливала. Уставшая до смерти, она вернулась в поместье, чтобы подмести двор. У озера она с жалостью посмотрела на деревце с обломанными ветками — видимо, княгиня снова упражнялась с мечом. Какая жестокость, подумала она.

Закончив работу, она поняла, что солнце еще не собирается садиться. Ли Куэр присела с метлой у озера. Хотя это было княжеское поместье, к слугам здесь относились куда мягче, чем в других богатых домах — спасибо доброте князя и княгини. Она уселась на большой камень, и никто не прогнал ее, хотя мимо постоянно ходили люди.

Вода в озере была прозрачной, на дне виднелись разноцветные камешки. Солнечные блики играли на поверхности. Ли Куэр прикинула, что в самом глубоком месте вода едва ли дойдет ей до колен. Если бы не люди вокруг, она бы с радостью сняла обувь и поплескалась в воде.

Она нагнулась и зачерпнула ладонями воды — не холодная, теплая от солнца. Головастик, запутавшийся в руках, смешно тыкался в ладони. Ли Куэр хотела пощекотать его пальцем, но он ловко выскользнул сквозь щель между пальцами.

Ли Куэр моргнула, осознав, что даже в этом крошечном озерце кипит жизнь. Среди стайки головастиков мелькали серебристые мальки — стоило им чего-то испугаться, как они мгновенно разлетались в стороны, а потом собирались вновь. На влажном берегу прилипли маленькие улитки — они не двигались, но время от времени пускали пузыри.

Ли Куэр вспомнила пустую раковину, на которую наступила той ночью. Неужели она была отсюда? Куда же делись улитки? Неужели они ушли гулять и не смогли найти дорогу домой? Размышляя об этом, она подумала, что ее мысли кажутся ей донельзя глупыми.

Поев и дождавшись завершения дел на кухне, Ли Куэр взяла сменную одежду и отправилась в комнату Хэ Вэйжань. Небо уже совсем потемнело, но до полуночи оставалось еще много времени.

— Сначала пойдем искупаемся, потом поспим, а как пробьет полночь — отправимся в путь.

Ли Куэр кивнула. Страх никуда не делся, но в компании Хэ Вэйжань это больше походило на захватывающее приключение.

В банном помещении поместья, разделенном на мужскую и женскую половины, стояли ряды кадок, огороженных ширмами и бамбуковыми шторами. Каждому полагалось по две палочки благовоний времени, а также мыльные бобы и порошок для мытья. Слуги меняли воду — условия были просто роскошными.

Когда они пришли, в бане никого не было. Горничные из переднего двора еще прислуживали господам и обычно приходили позже.

Они выбрали соседние кадки, оставили одежду и позвали слуг наполнить их водой. Бульк-бульк — четыре человека сделали по семь-восемь ходок, и кадки наконец наполнились. Слуги оставили еще четыре ведра горячей воды про запас и удалились.

Ли Куэр разделась и повесила одежду на ширму. Хэ Вэйжань, расплетая прическу, взглянула на нее сквозь редкие прутья шторы:

— Куэр, тебе нужно немного поправиться.

Лицо Ли Куэр вспыхнуло, и она, голышом нырнув в кадку, пробормотала:

— Дома бедно, мяса не видели, вот и не получается поправиться.

Хэ Вэйжань распустила волосы, разделась и тоже вошла в воду, начав натираться мыльными бобами. В воздухе разлился тонкий аромат.

— Ничего, пока я рядом, я обязательно откормлю тебя, будешь совсем миленькой.

Ли Куэр опустила голову и принялась тереть плечи. Кожа покраснела — то ли от горячей воды, то ли от тепла, разлившегося в груди.

После купания они чувствовали себя обновленными. Даже в летнюю ночь, полную стрекота цикад, легкий ветерок казался прохладным и приятным. В баню стали приходить другие служанки, и, увидев Хэ Вэйжань, они не скрывали своего восхищения, приветливо улыбаясь ей. Только сейчас Ли Куэр поняла, как сильно ее любят, и как легко она находит со всеми общий язык.

Вернувшись в комнату, Хэ Вэйжань зажгла свечи, достала из шкафа циновку, протерла ее влажной тряпкой и расстелила на кровати. Ли Куэр подумала: как она может спать на циновке в такую жару?

— Осталось два часа, ложись скорее.

Ли Куэр послушно забралась на кровать. Она была большой, двоим места хватало. Циновка была прохладной, а под ней лежал мягкий матрас. Она легла, накрылась тонким одеялом и, не мигая, смотрела на Хэ Вэйжань.

Хэ Вэйжань, одетая в нижнее платье, сидела у зеркала и вытирала волосы. Она была очень худенькой — видимо, сама тоже не часто ела мясо, несмотря на то, что была отличным поваром. Высушив волосы, она взяла веер, на котором была нарисована картина: маленькая девочка в красном сидела у подножия горы, повернувшись спиной к зрителю — странный, но притягательный образ.

Хэ Вэйжань сняла обувь, легла на кровать, поправила одеяло и стала нежно обмахивать Ли Куэр веером. Ли Куэр застеснялась и поспешила сказать, что ей не жарко, но от прохладного ветерка веера на нее внезапно навалилась дремота.

<http://bllate.org/book/19134/1879223>